

ОТВѢТЪ НА «НѢСКОЛЬКО ЗАМѢТОКЪ»

О наступательномъ и оборонительномъ боѣ пѣхоты (1).

Въ декабрьской книжкѣ «Военнаго Сборника» за 1878 г. помѣщена была статья, которой редакція журнала придала заглавіе: «О наступательномъ и оборонительномъ боѣ пѣхоты», но которая составляла собственно «Инструкцію» для тактической подготовки частей одной изъ пѣхотныхъ дивизій во время баталіонныхъ и полковыхъ сборовъ 1878 года.

Цѣлью помѣщенія этой «Инструкціи» въ журналѣ, какъ видно изъ приложеннаго къ ней письма, было: представить на судъ читателей и, слѣдовательно, *вызвать обсужденіе* тѣхъ правилъ и приемовъ, которые предлагаются упомянутой «Инструкціей». Цѣль эта въ январской книжкѣ «Военнаго Сборника» за настоящій годъ отчасти осуществилась. Мы прочитали въ ней «Нѣсколько замѣтокъ на статью о наступательномъ и оборонительномъ боѣ пѣхоты», причемъ, какъ видно изъ первыхъ строкъ этихъ замѣтокъ, онѣ вызваны главнымъ образомъ тѣмъ, что разбираемая ими статья не есть обыкновенное научное изслѣдованіе, а служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ «Инструкціей» для тактической подготовки частей во время баталіонныхъ и полковыхъ сборовъ.

Выражая автору означенныхъ замѣтокъ полную признательность за вниманіе, съ которымъ онъ отнесся къ нашему заявленію, считаемъ не лишнимъ сказать, что мы тѣмъ съ бѣльшимъ интересомъ принялись за чтеніе его замѣтокъ, что, въ самомъ началѣ ихъ, г. А. П. дѣлаетъ такой общій отзывъ о нашей статьѣ: *«Статья слишкомъ теоретична и, такъ сказать, не окурена пороховымъ дымомъ»*. Подчеркнутыя слова давали намъ полное право заключить, что за разборъ «Инструкціи» принялся практикъ военнаго дѣла, изучившій его не только въ теоріи, но и на дѣйствительномъ, боевомъ опытѣ. Можно было ожидать поэтому отъ замѣтокъ такихъ драгоценныхъ практическихъ указаній, примѣненіе которыхъ въ мирное время могло бы много способствовать боевой подготовкѣ частей не только той дивизіи, для которой «Инструкція» была составлена, но и прочихъ войскъ.

(1) См. «Воен. Сборн.» 1879 г. № 1-й

Сознаемся, однако же, что эти розовыя надежды далеко не оправдались послѣ прочтенія замѣтокъ, такъ какъ авторъ ихъ ограничивается или указаніемъ недостатковъ нашей статьи, не противопоставляя имъ своего опредѣленнаго мнѣнія, или же высказываетъ такія мнѣнія, которыя хотя и выведены, можетъ быть, изъ личной боевой практики автора, но вполнѣ расходятся съ сужденіями о боѣ, высказанными другими военными людьми, вѣроятно не менѣе автора «Нѣсколькихъ замѣтокъ» знакомыми съ практикою военнаго дѣла.

Потому прежде разбора замѣчаній, высказанныхъ г. А. П., считаемъ нужнымъ разъяснить слѣдующее: статья о наступательномъ и оборонительномъ боѣ пѣхоты, какъ выше сказано, написана передъ началомъ лѣтнихъ занятій 1878 г. и составляла «Инструкцію» для тактической подготовки частей во время частныхъ сборовъ, т. е. въ то время, когда въ лагерѣ собрана была одна пѣхота. Обстоятельство это важно въ данномъ случаѣ потому, что для общихъ сборовъ всѣхъ трехъ родовъ войскъ, по установленному въ Виленскомъ военномъ округѣ порядку, «Инструкція» для совмѣстнаго обученія всѣхъ трехъ родовъ оружія написана была другимъ лицомъ, т. е. старшимъ начальникомъ всѣхъ войскъ, собранныхъ въ лагерѣ.

Понятно, что «Инструкція» для дѣйствія всѣхъ трехъ родовъ оружія не можетъ подробно объяснить, такъ сказать, техническую сторону дѣйствій каждаго рода оружія, и потому она обыкновенно касается только вопроса о взаимномъ содѣйствіи въ бою различныхъ родовъ войскъ.

Въ виду этого и для лучшей подготовки пѣхоты, собранной въ ковенскомъ лагерѣ, къ занятіямъ, производимымъ во время общихъ сборовъ, признано было необходимымъ составить *специально для пѣхоты* такую «Инструкцію», которая, заключая въ себѣ общую сводку того, что было высказано въ военной литературѣ о современномъ боѣ, послѣ франко-прусской и въ особенности русско-турецкой войнъ, въ то же время включила бы эти разбросанныя въ литературѣ идеи въ одну опредѣленную форму для дѣйствій, тщательное продѣлываніе которой въ мирное время могло бы обратиться въ такую привычку, что даже и въ военное время отъ нея трудно было бы отступить.

Сдѣлавши это необходимое разъясненіе, перейдемъ къ разбору вызванныхъ нашей статьею замѣчаній.

Въ подтвержденіе своего мнѣнія объ излишнемъ *теоретизмѣ нашей статьи*, г. А. П. ограничивается указаніемъ на то, что въ ней «нигдѣ не опредѣлены и не разграничены въ точности обязанности начальниковъ въ бою». Хотя и нельзя сказать, чтобы во-

прось объ обязанностяхъ начальниковъ въ бою былъ бы совершенно упущенъ въ нашей статьѣ, но нельзя не согласиться съ г. А. П., что вопросъ этотъ составляетъ самую слабую ея сторону. Задавшіе цѣлю ознакомить войска путемъ «Инструкціи» съ тѣмъ, что высказано боевыми практиками въ иностранныхъ и русскихъ военныхъ журналахъ о порядкѣ веденія современнаго боя, мы не нашли въ военной литературѣ никакихъ положительныхъ указаній относительно *опредѣленія и, въ особенности, разграниченія обязанностей начальниковъ въ бою*, которыя бы не вызывали горячихъ возраженій, и потому, чтобы не прививать къ войскамъ такихъ въ этомъ отношеніи привычекъ, цѣлесообразность которыхъ окончательно не проверена боевымъ опытомъ, при составленіи «Инструкціи» признано было правильнымъ ограничиться указаніемъ только нѣкоторыхъ рекомендованныхъ военными писателями приѣмовъ по управленію огнемъ въ цѣпи и по направленію, даваемому различнымъ частямъ въ бою. Такого же точнаго опредѣленія и разграниченія обязанностей начальниковъ въ бою, отсутствіе котораго г. А. П. справедливо замѣчаетъ, сдѣлано не было. Но, повторяемъ, сознавая вполне этотъ недостатокъ, мы тѣмъ съ большимъ интересомъ принялись за чтеніе замѣтокъ г. А. П., въ которыхъ, какъ уже сказано, на первой же страницѣ заявлено, что «Инструкція» наша недостаточно окурена пороховымъ дымомъ. Мы не сомнѣвались, что г. А. П., вѣроятно бывший участникъ послѣдней войны, не откажетъ дать хотя какія нибудь указанія, необходимыя для дополненія нашей «Инструкціи», но надежда наша не оправдалась. такъ какъ, указавъ на сознаваемый нами самими недостатокъ, г. А. П. ограничился только замѣчаніемъ о важности вопроса объ обязанностяхъ начальниковъ въ бою и о недостаточности личнаго примѣра офицеровъ для того, чтобы управлять боемъ.

Трудность опредѣленія и точнаго разграниченія обязанностей начальниковъ въ бою, по нашему мнѣнію, лучше всего доказывается, напечатанною въ первой книжкѣ «Военнаго Сборника» «Инструкціею для дѣйствія роты и баталіона въ бою», составленною въ главномъ комитетѣ по устройству и образованію войскъ нѣсколькими компетентными лицами, знакомыми съ боемъ, конечно, не изъ одной теоріи. Въ «Инструкціи» этой отводится немало мѣста опредѣленію обязанностей начальниковъ бою; но все-таки, даже по такому важному вопросу, какъ управленіе огнемъ цѣпи, обязанности эти опредѣляются въ такихъ общихъ выраженіяхъ, что невозможно согласиться, чтобы онѣ составляли окончательное рѣшеніе этого вопроса. Выраженія: «онъ управляетъ» или «онъ наблюдаетъ», или «онъ есть первый отвѣтчикъ» ничего в

точности не опредѣляютъ и не разграничиваютъ. Такія выраженія приличны, пожалуй, въ сводѣ законовъ, но не въ «Инструкціи», гдѣ, казалось бы, нужно было указать: какимъ образомъ и въ какихъ случаяхъ то, что выражено въ законѣ или въ уставѣ, можетъ или должно быть примѣнено къ дѣлу.

Въ виду этого, въ нашу «Инструкцію» не было включено такое общее перечисленіе обязанностей начальниковъ въ бою, какое сдѣлано въ «Инструкціи», составленной главнымъ комитетомъ по устройству и образованію войскъ, тѣмъ болѣе, что это могло бы только напрасно удлинить самую «Инструкцію»; а едва-ли возможно не согласиться, что одно изъ главныхъ условій примѣнимости и популярности какой бы то ни было «Инструкціи» въ войскахъ составляетъ возможная ея краткость.

«Другая крупная особенность нашей статьи», по мнѣнію г. А. П., «проявляется въ несоразмѣрности ея частей, трактующихъ о бое наступательномъ и о бое оборонительномъ», причемъ въ подтвержденіе своихъ словъ авторъ «нѣсколькихъ замѣтокъ» рассуждаетъ такъ: «Объемъ каждой изъ этихъ главъ почти одинаковъ, а между тѣмъ наступательный бой пѣхоты есть въ настоящее время фундаментальный вопросъ тактики». Здѣсь прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что сужденіе о достоинствѣ той или другой главы составляетъ по ея объему и, кромѣ того, та неточность автора, въ которую онъ какъ бы умышленно впадаетъ при измѣреніи объемовъ каждаго отдѣла. Сосчитавъ страницы, на которыхъ говорится о наступательномъ и оборонительномъ бояхъ, не трудно убѣдиться, что о первомъ изъ нихъ, только по объему, сказано гораздо больше, чѣмъ о второмъ. Кромѣ того, обширность или сжатость статьи въ данномъ случаѣ не зависѣла отъ вашего произвола, а обуславливалась другимъ, болѣе важнымъ соображеніемъ—уровнемъ образованія офицеровъ.

Объемъ статьи объ оборонѣ былъ бы еще вдвое меньше, ежели бы въ нее не былъ включенъ разборъ мнѣній военныхъ людей о томъ, съ какой дистанціи обороняющійся долженъ открывать огонь. Хотя разборъ этихъ мнѣній помѣщенъ былъ въ «Инструкціи» съ тою цѣлю, чтобы отдаваемое въ ней предпочтеніе ближнему огню сдѣлать въ глазахъ офицеровъ болѣе доказаннымъ, но нельзя не согласиться, что разборъ этотъ было бы, пожалуй, возможно напечатать въ видѣ особой журнальной статьи, что однако не соответствовало бы той цѣли, съ которою выдана была наша «Инструкція». Ежели бы г. А. П. указалъ намъ этотъ недостатокъ, который едва ли можно назвать «круп-

нымъ», то противъ этого, конечно, мы бы ничего не сказали, объяснивъ только, почему мы сочли умѣстнымъ помѣстить въ «Инструкціи» разборъ различныхъ мнѣній. Но г. А. П. этого недостатка вовсе не замѣчаетъ, а продолжаетъ разсуждать такимъ образомъ: *«Правда, ученіе объ оборонѣ, со всею ея рутинною механикою, гораздо легче укладывается въ теоретическія рамки (сколько благодарныхъ темъ: и перечисленіе, условій, которымъ должно удовлетворять позиція, и советы относительно ея фортификаціоннаго усиленія, и проч. и проч.), нежели изслѣдованіе о наступленіи, гдѣ главенствуетъ комбинаціонная сторона дѣла».*

Но что же изъ этого слѣдуетъ? Неужели потому только, что ученіе объ оборонѣ легче укладывается въ теоретическія рамки, о немъ вовсе не слѣдуетъ упоминать въ «Инструкціи»? Хотя г. А. П. и говорить, «что оборона въ усовершенствованномъ оружіи приобрѣла такое могущественное средство, что веденіе ея далеко не можетъ, вообще говоря, представить такихъ трудностей какъ атака», но съ этимъ можно согласиться только очень условно и далеко не вполне. Безспорно, усовершенствованное оружіе, при правильномъ пользованіи имъ, даетъ возможность обороняющемуся, съ сравнительно незначительными силами, оказать наступающему болѣе упорное сопротивленіе, нежели то было возможно при прежнемъ вооруженіи; но изъ этого вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы обороняться было вообще несравненно легче, чѣмъ наступать.

Не смотря на то, что какъ въ прежнее, такъ и, въ особенности, въ настоящее время, наступающій терпитъ отъ огня гораздо больше обороняющагося, до настоящаго времени существовало мнѣніе, что положеніе наступающаго вообще гораздо выгоднѣе положенія обороняющагося, такъ какъ у наступающаго руки вполне развязаны, и онъ дѣйствуетъ по своему усмотрѣнію, а обороняющійся, наоборотъ, долженъ угадывать намѣренія своего противника и дѣйствія свои сообразовать съ его дѣйствіями. Трудность положенія обороняющагося сказывается даже при обученіи войскъ въ мирное время, причемъ въ рѣдкихъ случаяхъ, не смотря на равенство силъ, обороняющемуся удастся во-время принять надлежащія мѣры, для противодѣйствія намѣреніямъ противника, а происходитъ это какъ вслѣдствіе трудности самаго дѣла обороны, такъ и отъ того, что въ отношеніи веденія обороны войска не имѣютъ даже такихъ слабыхъ указаній, какія относительно веденія наступательнаго боя они могутъ почерпнуть, напримѣръ, въ уставѣ, по которымъ можно получить о наступленіи хотя неточное, но довольно цѣльное представленіе, руководствуясь которымъ, самый посредственный офицеръ можетъ, хотя бы съ грѣхомъ пополамъ, распо-

рядиться наступленіемъ. Для распоряженія же обороною, даже въ уставѣ нѣтъ и не можетъ быть никакихъ указаній.

Въ виду этого возможно ли при обученіи мирнаго времени вопросъ объ оборонѣ оставить совершенно не разъясненнымъ? Возможно ли ничего не сказать о правилахъ занятія позиціи и объ условіяхъ, которыми позиція должна удовлетворять? Возможно ли ничего не упомянуть о порядкѣ употребленія огнестрѣльнаго и холоднаго оружія, объ отраженіи фланговыхъ ударовъ и, наконецъ, даже о томъ, что, кажется, болѣе всего пугаетъ г. А. П.,—объ усиленіи позиціи фортификаціонными средствами. Вѣдь даже Высочайше утвержденная «Инструкція для обученія войскъ саперному дѣлу» требуетъ, чтобы части войскъ, занимая во время маневровъ позиціи для обороны, непременно укрѣпляли ихъ, или по крайней мѣрѣ дѣлали разбивку укрѣпленій (рыть землю почти всегда запрещаютъ собственники ея) и расчеты работъ представляли наканунѣ маневра руководителю его. Все это войсками, для которыхъ написана была «Инструкція», выполняется въ мирное время; исполненіе этого неотступно требуется высшимъ окружнымъ начальствомъ, и неужели послѣ всего этого въ «Инструкціи» для тактической подготовки частей не слѣдуетъ даже и упоминать о фортификаціонныхъ работахъ на позиціи? Г. А. П. можетъ быть относить подобные совѣты къ нашей неокуренности пороховымъ дымомъ; но отчего же тогда многіе авторитетные военные люди, знающіе войну практически, не перестаютъ твердить о важности обученія войскъ саперному дѣлу?

Г. А. П., кажется, хотѣлъ бы вовсе устранить изъ «Инструкціи» отдѣлъ объ оборонѣ; такъ, по крайней мѣрѣ, можно судить по слѣдующимъ его словамъ, относящимся до наступательнаго боя: *«Кажется безошибочно можно сказать, что ежели тактика удастся удовлетворительно разрѣшить этотъ вопросъ»* (о наступленіи), говоритъ А. П., *«то рѣшеніе всѣхъ прочихъ»* (слѣдовательно, и вопроса объ оборонѣ) *«не представитъ уже затрудненій»*, и затѣмъ нѣсколько далѣе прибавляетъ: *«ежели сказанное справедливо, то должно согласиться, что въ рассматриваемой статьѣ сравнительно недостаточно обращено вниманія на разработку наступательнаго боя пѣхоты»*. На это можно замѣтить: что, во-первыхъ, «сказанное» не вполне справедливо, потому что, какъ бы ни были велики затрудненія, представляющіяся при наступленіи, даже по совершенно открытой мѣстности, противъ сильно укрѣпленной позиціи, но все-таки затрудненія эти, такъ сказать, сами по себѣ; а затрудненія, представляющіяся при оборонѣ,—тоже сами по себѣ, и

устраненіе однихъ изъ этихъ затрудненій нисколько не устраняетъ другихъ; и во-вторыхъ: если бы даже «сказанное» г. А. П. и было справедливо, то изъ этого далеко еще не слѣдуетъ, что въ нашей статьѣ «сравнительно недостаточно обращено вниманія на разработку наступательнаго боя пѣхоты». Чтобы вывести такое поспѣшное заключеніе, г. А. П. вовсе не нужно было прибѣгать къ посылкѣ, которая не имѣетъ ничего общаго съ заключеніемъ, а просто указать: на что именно въ нашей статьѣ о наступательномъ боѣ не обращено вниманія.

Г. А. П. этого, однако, не дѣлаетъ, а предлагаетъ вѣрить ему на слово; но предложеніе это не соотвѣтствуетъ желанію нашему, вызвать обсужденіе составленной нами «Инструкціи», такъ какъ бездоказательное порицаніе вовсе не есть обсужденіе. Съ своей стороны мы полагаемъ, что, кромѣ указаній о распредѣленіи власти начальниковъ, о которыхъ, по объясненнымъ выше причинамъ, нами сказано было меньше, чѣмъ бы слѣдовало, въ «Инструкціи» нашей, по вопросу о наступательномъ боѣ пѣхоты сказано все, что только можно было сказать. Всѣ фазисы этого боя, начиная отъ перестроенія изъ походнаго порядка въ боевой, до преслѣдованія включительно, въ ней систематично охарактеризованы и объяснены съ доступною для насъ самихъ явностію и полнотою, причемъ не упущена изъ вида возможность перехода непріятеля въ наступленіе какъ съ фронта, такъ и съ фланга. О примѣненіи разсыпнаго строя, о порядкѣ наступленія сомкнутыхъ частей, не сказано ничего новаго, неслыханнаго, но и не забыто ничего такого, что по этому предмету высказано было различными военными писателями въ военныхъ журналахъ, русскихъ и иностранныхъ, и что, казалось, выражало какъ бы установившееся мнѣніе военныхъ людей по этимъ предметамъ. Чего же еще не достаетъ? спросимъ мы въ свою очередь.

Мы съ благодарностію выслушали бы объ этомъ мнѣніе г. А. П., но онъ насъ этимъ не удостоиваетъ, а переходитъ къ слѣдующимъ замѣчаніямъ на нашу статью, которая называется «частными». Послѣдуемъ и мы за нимъ и рассмотримъ его частныя замѣчанія.

Первое изъ нихъ касается сдѣланнаго нами подраздѣленія наступательнаго боя на наступленіе собственно и атаку, и разсужденій нашихъ относительно важности подготовки атаки ружейнымъ огнемъ (Кстати замѣтимъ, что объ артилерійской подготовкѣ атаки у насъ ничего не сказано, исключительно потому, что «Инструкція» наша написана для пѣхоты, и притомъ для таковаго періода ея занятій, когда артилерія не находится въ лагерѣ вмѣстѣ съ пѣхотою). Г.

А. П. до такой степени слилъ эти два совершенно отдѣльных замѣчания, что и намъ невозможно отвѣтить иначе, какъ на оба вмѣстѣ.

Не раздѣляя высказаннаго въ «Инструкціи» мнѣнія, что подъ атакою подразумѣвается собственно ударъ въ штыки (производство рѣшительнаго удара) съ послѣдней позиціи наступающаго, авторъ «Нѣсколькихъ замѣтокъ» называетъ это мнѣніе ошибочнымъ, основаннымъ только на внѣшнемъ признакѣ. При этомъ, въ виду существующей, будто бы, путаницы въ тактической терминологіи, останавливается на разъясненіи понятій о наступленіи и атакѣ и рассуждаетъ по этому поводу такимъ образомъ: «представимъ себѣ наступающаго, который, при своемъ движеніи, открытъ непріятеля, занимающаго извѣстную позицію, и рѣшается овладѣть ею посредствомъ атаки». Затѣмъ, слѣдуетъ нѣсколько словъ о рекогносцировкахъ непріятельской позиціи, послѣ чего г. А. П. продолжаетъ: «какъ только пунктъ, на который будетъ направленъ рѣшительный ударъ, опредѣленъ, дѣлаются соотвѣтствующія распоряженія, а именно: 1) батареи выѣзжаютъ на тѣ позиціи, съ которыхъ должны окончательно подготовить атаку, то есть *саженъ на 600 отъ противника*; 2) выдвигаются части, назначенныя для обхода (если это окажется необходимымъ); 3) всѣ прочія силы передвигаются на указанныя имъ мѣста, причемъ пѣхотныя дѣли значительно выдвигаются передъ артилеріею (до 1,000 шаговъ).»

«Въ этотъ періодъ боя, говоритъ А. П., преобладающая, самая важная роль принадлежитъ артилеріи: *она, и только она почти одна подготавливаетъ атаку*» (1). Затѣмъ, авторъ рисуетъ картину подготовки атаки артилерійскимъ огнемъ и въ заключеніе объясняетъ: «атака подготовлена. Наступающій нѣсколько часовъ держалъ обороняющагося подъ своимъ убійственнымъ огнемъ; пунктъ атаки *изрытъ и засыпанъ* снарядами во всѣхъ направленіяхъ, пальба со стороны обороняющагося замѣтно ослаблена» и проч.: «Что долженъ дѣлать наступающій?» «*Идеальное рѣшеніе вопроса*», по мнѣнію г. А. П., состояло бы въ томъ, чтобы «вся пѣхота поднялась *сразу*, какъ одинъ человекъ, и бросилась бы впередъ бѣгомъ, чтобы, подобно лавѣ, поглотить своего противника». Замѣтимъ мимоходомъ, что при началѣ этого движенія бѣгомъ, даже стрѣлки, выдвинутые впередъ артилеріи, находились бы, по указанію А. П., отъ непріятеля въ разстояніи около 1,000 шаговъ: ближайшія сомкнутыя части—около версты, а другія еще далѣе.

(1) Желательно бы объяснить себѣ причину замѣчаемой въ этихъ словахъ нерѣшительности: «она, и только она» и тутъ же «почти одна». По нашему мнѣнію, ежели «*только она*», то слово «*почти*» оказывается лишнимъ, и наоборотъ.

И все это разстояніе, *подобно лавь, нужно пройти бгомъ!* Впрочемъ, г. А. П. прибавляетъ: «къ сожалѣнію, на практикѣ очень часто (хотя и не всегда) такой способъ атаки не осуществляется; наступающій при своемъ движеніи приостанавливается по слѣдующимъ причинамъ: а) чтобы передохнуть физически и морально; б) чтобы возстановить порядокъ, разстроенный во время движенія. *Вся его остановка, въ томъ числѣ и послѣдняя, непосредственно передъ ударомъ въ штыки, имѣютъ совершенно одинаковое значеніе и смыслъ. Ружейная же подготовка атаки съ послѣдней позиціи такъ же сомнительна, такъ же бесполезна, какъ и со всякъ прочиъ.*»

Мы нарочно привели подробную выписку этого замѣчанія г. А. П., такъ какъ въ немъ высказывается не только понятіе его о томъ, что такое наступленіе и атака, но и весь взглядъ на наступательный бой. Прежде чѣмъ коснуться этого взгляда, позволяемъ себѣ спросить читателя: на сколько, послѣ прочтенія приведенной выписки, разъяснились для него понятія о наступленіи и атакахъ? Выиграла ли что нибудь отъ этого тактическая терминологія, существующую будто бы путаницу которой г. А. П. взялся разъяснить? У насъ въ «Инструкціи» атакою называется собственно производство рѣшительнаго удара на противника (стр. 170); не то-ли же самое разумѣется г. А. П.?

Разница же прежде всего состоитъ въ томъ, что простыя и обыкновенныя слова: «производство рѣшительнаго удара» замѣнены болѣе картиннымъ и, можно сказать, вулканическимъ выраженіемъ: «и, подобно лавь, поглощаетъ своего противника». Затѣмъ въ нашей «Инструкціи» не приведена потрясающая картина подготовки атаки артилерійскимъ огнемъ; но г. А. П., взявшійся критиковать нашу статью, только потому, что она составляетъ «Инструкцію» для войскъ, постоянно забываетъ, что «Инструкція» эта *составлена для такого періода занятій пѣхоты, когда она учится одна*, не только безъ кавалеріи, но даже и безъ артилеріи (артилерія виленскаго военного округа, во время частныхъ сборовъ пѣхоты, производитъ практику въ оранскомъ лагерѣ, а затѣмъ батареи находятся на травѣ и только къ общимъ сборамъ прибываютъ въ тѣ лагеря, гдѣ собрана пѣхота). Наконецъ, наиболѣе существенная разница въ представленіи объ атакахъ, сдѣланномъ въ нашей «Инструкціи» и въ статьѣ г. А. П., заключается въ томъ, что мы совѣтуемъ начинать атаку съ дистанцій, не превосходящихъ 300 или 400 шаговъ, а г. А. П.—съ дистанцій, превышающихъ даже 1,000 шаговъ, причемъ, какъ мы выше

видѣли, нѣкоторымъ частямъ придется пробѣжать около версты. Такое сужденіе о началѣ атаки у г. А. П. само собою вытекаетъ изъ того, что онъ лично не придаетъ никакого значенія подготовкѣ атаки ружейнымъ огнемъ.

Намъ неизвѣстно, составилось ли у г. А. П. мнѣніе о бесполезности подготовки атаки ружейнымъ огнемъ подъ впечатлѣніемъ его личной боевой практики; но нужно думать, что это такъ, въ виду сдѣланнаго имъ замѣчанія объ излишнемъ теоретизмѣ нашей статьи, и въ особенности о томъ, что она, «такъ сказать, не окурена пороховымъ дымомъ.» Ежели послѣднее наше предположеніе справедливо, то нельзя не согласиться, что боевая практика на различныхъ людей производитъ совершенно различное впечатлѣніе, и слѣдовательно, уже по этому одному изрѣченія какого либо одного практика никакъ не могутъ быть приняты военными людьми на вѣру за безусловную истину. Теорія, впрочемъ, такъ и поступаетъ; она выслушиваетъ прежде мнѣнія многихъ практиковъ, и притомъ о многихъ однородныхъ фактахъ, и, взвѣсивъ каждое изъ нихъ, строитъ на нихъ свое заключеніе; между тѣмъ, практика *иногда* склонна бываетъ выводить свои заключенія изъ одного факта, произведшаго, почему либо, подавляющее впечатлѣніе. Чѣмъ, напримѣръ, можно объяснить такое обстоятельство: послѣ франко-прусской войны, всѣ безъ исключенія нѣмецкіе военные писатели, изучившіе войну не только теоретически, но и практически въ цѣломъ рядѣ кровопролитныхъ войнъ, веденныхъ передъ тѣмъ Германіею, признали крайне необходимымъ обратить особенное вниманіе на ружейную подготовку каждой атаки; причемъ не только иностранные военные писатели, но и наши, изъ которыхъ одинъ также имѣлъ авторитетъ очевидца всѣхъ главнѣйшихъ сраженій войны 1870 и 1871 годовъ, высказывали неоднократно, что *значеніе ружейной подготовки атаки такъ велико*, что собственно до атаки дѣло почти никогда и не доходить. Случаи незначительныхъ атакъ въ штыки во время франко-прусской войны пересчитывались по пальцамъ; напротивъ, приводилось, что французы, послѣ обстрѣливанія ихъ близкимъ ружейнымъ огнемъ, обыкновенно не выдерживали и, не дождавшись атаки, поворачивали назадъ. Въ виду этого атака въ штыки признавалась почти излишней, рѣдко примѣнимой, такъ что даже самое наступленіе принято было производить безъ штыковъ. Правда, что послѣдняя наша война съ турками поставила вопросъ объ атакѣ нѣсколько иначе; самые закоренѣлые противники штыковаго удара согласились, что безъ него обойтись нельзя, и что онъ хотя и труденъ, но вполне возможенъ; но высказалъ ли при этомъ кто нибудь

изъ нашихъ авторитетныхъ военныхъ людей, что подготовка атаки ружейнымъ огнемъ потеряла свое значеніе? Опасаясь удлинитъ наши замѣтки, мы не рѣшаемся дѣлать выписки изъ напечатанныхъ въ «Военномъ Сборникѣ» статей нашихъ боевыхъ генераловъ, но ссылаемся на нихъ.

Пусть г. А. П. просмотритъ самъ статьи генераловъ: Драгомирова, барона Зедделера и въ особенности покойнаго Геймана, котораго уже никакъ нельзя упрекнуть въ излишнемъ теоретизмѣ; есть ли у нихъ что нибудь подобное тому, что высказано г. А. П. о подготовкѣ атаки ружейнымъ огнемъ? Всѣ они хотя и признаютъ необходимость штыковой атаки, но въ то же время придаютъ особенное значеніе подготовкѣ этой атаки огнемъ изъ рассыпнаго строя. Наконецъ, въ главномъ комитетѣ по устройству и образованію войскъ составлена «Инструкція для дѣйствія роты и баталіона въ бою», которая напечатана въ первой книжкѣ «Военнаго Сборника». «Инструкція» эта, судя по сдѣланнымъ подъ нею подписямъ, составлена почти исключительно участниками послѣдней войны, а между тѣмъ въ ней, вопреки мнѣнію г. А. П., прямо говорится: «Бой пѣхоты завершается, въ большинствѣ случаевъ, движеніемъ для удара въ штыки. Дѣйствию этому предшествуетъ *сильная боевая подготовка* съ такого разстоянія, которое даетъ возможность, двинувшись впередъ, достигнуть безостановочно непріятельской позиціи». *«Разстояніе это должно быть не болѣе 200—150 шаговъ. Приблизившись къ противнику на указанное разстояніе, цѣль наступающаго останавливается и поражаетъ его учащеннымъ огнемъ»*. И послѣ всего этого г. А. П., поучая насъ, торжественно объявляетъ, что *«ружейная подготовка атаки съ послѣдней позиціи такъ же сомнительна, такъ же бесполезна, какъ и со всѣхъ прочихъ дистанцій»*, причѣмъ совѣтуетъ начинать атаку безъ всякой ружейной подготовки съ дистанцій превышающихъ 1,000 шаговъ. Не даетъ ли это права предположить, что г. А. П. находится, можетъ быть, подъ давленіемъ впечатлѣнія, произведеннаго на него однимъ частнымъ случаемъ, гдѣ ружейная подготовка атаки не могла принести пользы? Въ подобномъ положеніи наши войска находились подъ Плевной, гдѣ турки сидѣли за прочными укрѣпленіями, построенными на командующихъ высотахъ, впереди которыхъ разстиралась почти открытая мѣстность. Ружейная подготовка атаки при этомъ, дѣйствительно, была бесполезна; но также бесполезна была и подготовка атаки артилерійскимъ огнемъ. 500 орудій русско-румынской арміи въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ обстрѣливали турецкій укрѣпленный лагерь, въ которомъ было всего съ не-

большимъ 60 орудій, а какой результатъ былъ ими достигнутъ? Удалось ли нашей многочисленной артилеріи осуществить на дѣлѣ, хотя отчасти, ту потрясающую картину, которую нарисовалъ въ своихъ замѣткахъ г. А. П.? Орудія турецкія продолжали дѣйствовать; укрѣпленія, вмѣсто того, чтобы разрушиться, становились все грознѣе, а пѣхота турецкая терпѣла ничтожныя потери. Примѣръ этотъ ясно показываетъ, что такія позиціи, какъ плевненская, ни при ружейной, ни при артилерійской подготовкѣ атаковать открытою силою нельзя: ихъ нужно осаждать, или блокировать. Но вѣдь плевненская позиція возникла при совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ. Въ обыкновенной полевой войнѣ возникновеніе подобныхъ позицій едва ли часто можетъ случаться, и потому, при мирномъ обученіи войскъ, должно принимать въ расчетъ такія позиціи, которыя обыкновенно занимаютъ обороняющимся въ полевой войнѣ, которыя хотя и могутъ быть расположены на командующихъ высотахъ и усилены укрѣпленіями, но, какъ показалъ опытъ франко-прусской войны, гдѣ французы не скупились на укрѣпленія (Гравелотъ), атака противъ нихъ все-таки можетъ быть подготовлена какъ артилерійскимъ, такъ и ружейнымъ огнемъ.

А если это такъ, то нельзя не согласиться, что атаку слѣдуетъ производить по возможности съ близкаго разстоянія, такъ какъ при этомъ войска проходятъ отдѣляющее ихъ отъ непріятеля пространство бѣгомъ, совершенно открыто, подъ убійственнымъ огнемъ непріятеля; все же остальное пространство слѣдуетъ проходить методически, съ позиціи на позицію, не переставая, если есть возможность, обстрѣливать непріятеля.

Переходимъ къ дальнѣйшимъ замѣчаніямъ, вызваннымъ нашею статьею. На стр. 171 у насъ сказано: «Приблизясь къ непріятельской позиціи на разстояніе около 3,500 или 4,000 шаговъ, войска наступающаго обыкновенно *уже знаютъ* отъ своихъ передовыхъ войскъ о предстоящей имъ встрѣчѣ съ противникомъ».

Обращаемся на судъ читателей: неужели, прочитавши эти строки, можно понять ихъ въ такомъ смыслѣ, будто бы наступающій *узнаетъ* отъ своихъ передовыхъ войскъ о противникѣ только тогда, когда колонна его приблизится къ непріятелю на 3,500 или 4,000 шаговъ? Выраженіе «приблизясь къ позиціи противника на 4,000 шаговъ, войска наступающаго *уже знаютъ*», по нашему крайнему разумѣнію, слѣдуетъ понять такъ, что войска узнаютъ гораздо раньше о томъ, что противникъ остановился на позиціи; для насъ слова: «4,000 шаговъ» и «*уже знаютъ*» имѣли значеніе только потому, что, подойдя на указанную дистанцію къ противнику, войска должны переходить

изъ походнаго порядка въ строй по-ротно, или по-баталіонно, и затѣмъ начинать прохожденіе того, что мы назвали первой полосой наступленія; о томъ же, когда именно «*узнаютъ*» наступающія войска объ остановкѣ непріятеля на позиціи, въ цитируемомъ мѣстѣ нашей статьи вовсе не говорится, такъ какъ вовсе не о томъ идетъ рѣчь. Но г. А. П. до всего этого нѣтъ никакого дѣла; подставивъ произвольно вмѣсто словъ: «*уже знаютъ*» слово «*узнаютъ*», онъ раздражается такимъ наставленіемъ: обыкновенно это будетъ гораздо раньше. Ни одинъ сколько нибудь внимательный противникъ не позволитъ наступающему подойти въ походныхъ колоннахъ на такое разстояніе—развѣ нарочно заманить, чтобы *пронизать* всю колонну своими снарядами. Даже въ самомъ незначительномъ отрядѣ, передовые его развѣзды будутъ находиться отъ головы колонны никакъ не ближе 2,000 шаговъ, слѣдовательно, по предположенію автора, выходить, что они подойдутъ шаговъ на 1500—2,000 къ его позиціи; но такъ какъ обороняющійся тоже охраняется какъ цѣпью, такъ и развѣздами, то очевидно, что на 1,500 шаговъ подойти къ непріятельской позиціи развѣздамъ наступающаго не удастся, и встрѣча ихъ съ противникомъ произойдетъ гораздо раньше». Сопоставивъ эти строки со сказаннымъ нами выше и съ тѣмъ, что дѣйствительно выражено было въ нашей статьѣ, нельзя не предположить, что вѣроятно г. А. П., писавши свои «Нѣсколько замѣтокъ», чувствовалъ неудержимую потребность высказаться; но, не находя для этого достаточнаго повода, не затруднился приписать нашимъ словамъ такой смыслъ, какого въ нихъ никакъ заподозрить нельзя.

Далѣе авторъ «Нѣсколькихъ замѣтокъ» выражаетъ недоумѣніе, почему мы, заботясь о предупрежденіи перемѣшиванія людей въ цѣпи, предлагаемъ высылать первоначально отъ баталіона достаточно сильную цѣпь: «примѣрно отъ баталіона одну роту». При этомъ г. А. П. замѣчаетъ: «Такой способъ въ бою рѣдко практикуется; обыкновенно, каждая рота передовой линіи высылаетъ цѣпь отъ себя». Еще разъ намъ приходится замѣтить, что г. А. П. постоянно забываетъ: что именно онъ критикуетъ. Дивизія, для которой была составлена наша «Инструкція», подобно большинству другихъ армейскихъ дивизій, *имѣетъ баталіоны со стрѣлковыми ротами*, а стрѣлковыя роты обучаются стрѣльбѣ съ дальнихъ дистанцій, и потому предназначаются для встрѣчи противника огнемъ съ дальняго разстоянія. Не трудно понять, что при такой организаціи баталіоновъ, вмѣсто разсыпанія по одному взводу отъ каждой изъ переднихъ ротъ приходится первоначально разсыпать стрѣлковую роту, причемъ цѣпь оказывается

достаточно сильною, люди въ ней не будутъ перемѣшаны, и по крайней мѣрѣ въ началѣ боя (до усиленія цѣли людьми другихъ ротъ) остаются подъ управленіемъ тѣхъ самыхъ начальниковъ, которые управляютъ ими и въ сомкнутомъ строю.

Продолжая дѣлать свои замѣчанія, г. А. П. находитъ, что разсужденія наши относительно дѣйствій наступающаго, послѣ занятія непріятельской позиціи, отличаются *«крайнимъ методизмомъ и теоретичностью»*. И такъ, мы опять провинились не только въ теоретичности, но еще и въ крайнемъ методизмѣ. Но что же однако разумѣть авторъ «Нѣсколькихъ замѣтокъ» подъ этими словами и въ особенности подъ именемъ *«крайняго методизма?»* Насколько мы понимаемъ послѣднія два слова, подъ ними, въ данномъ случаѣ, слѣдовало бы разумѣть дѣйствіе по неизмѣнной, разъ установленной системѣ, постоянно педантически придерживаясь какихъ-либо опредѣленныхъ правилъ. Ежели такое представленіе о крайнемъ методизмѣ справедливо, то, казалось бы, въ немъ можно упрекнуть не наши разсужденія о дѣйствіяхъ наступающаго послѣ занятія непріятельской позиціи, а разсужденія г. А. П. по этому же предмету. Попробуемъ это доказать. На страницѣ 182-й у насъ сказано: «Какъ только атакующія войска ворвутся въ непріятельскую позицію, начальники атакующихъ частей должны употребить всѣ усилія, чтобы какъ можно скорѣе привести свои разстроенныя войска въ порядокъ; при этомъ также они должны озаботиться удержаніемъ за собою только что занятой мѣстности».

«Такъ какъ упомянутыя мѣры приходится каждый разъ принимать при совершенно различной обстановкѣ, то здѣсь не можетъ быть дано положительныхъ указаній на то, въ чемъ эти мѣры должны состоять; но можно, въ видѣ примѣровъ, объяснить, какъ въ томъ или другомъ случаѣ, при извѣстной обстановкѣ, слѣдовало бы поступить». Просимъ читателя выкинуть въ напечатанныя курсивомъ слова, такъ какъ намъ кажется, что они совершенно исключаютъ мысль о возможности найти крайній методизмъ въ послѣдующихъ разсужденіяхъ о дѣйствіяхъ наступающаго послѣ занятія непріятельской позиціи, независимо того, каковы бы ни были сами по себѣ эти разсужденія. Тамъ, гдѣ обстановка имѣетъ исключительное значеніе, гдѣ все становится въ зависимость отъ нея, развѣ можно найти злоупотребленіе методизмомъ? Въ приведенныхъ въ нашей статьѣ примѣрахъ мы объяснили три частныхъ случая, не съ тѣмъ, конечно, чтобы показать, какъ, *непрѣменно*, въ каждомъ изъ этихъ случаевъ слѣдовало бы поступить, но единственно съ тою цѣлію,

чтобы объяснить, какъ, *съ измѣненіемъ обстановки*, можетъ измѣниться и образъ дѣйствій наступающаго. Въ первомъ изъ этихъ примѣровъ, который только и подвергся разбору г. А. П., мы предположили, что «непріятель занимаетъ позицію на высотѣ, на *отлогомъ скатѣ* которой, въ разстояніи шаговъ 500 отъ гребня ея, параллельно фронту позиціи, пролегаетъ дорога, окопанная канавами и вслѣдствіе того удобная для расположенія за нею передовой цѣпи, чѣмъ въ дѣйствительности обороняющій и воспользовался».

Разбирая при этой обстановкѣ дѣйствія наступающаго, мы высказали мнѣніе, что послѣ отнятія у обороняющагося передовой позиціи, наступающему слѣдовало бы приостановиться для подготовки атаки на главную позицію, гдѣ, согласно нашему предположенію, сосредоточены всѣ войска обороняющагося, расположенныя притомъ за надежными прикрытіями. При этомъ мы присовокупили, что въ противномъ случаѣ атакующія войска могутъ быть не только отбиты отъ главной позиціи, но даже и потерять занятую прежде канаву. Г. А. П. не одобряетъ подобнаго образа дѣйствій и противопоставляетъ ему другой, при которомъ наступающій, овладѣвъ передовой позиціей, пользуется происшедшимъ отъ этого смятеніемъ обороняющагося, *«сокрушительнымъ потокомъ»* «несется впередъ» и окончательно сбиваетъ обороняющагося съ его позиціи. «Развѣ такая точка зрѣнія незаконна?» вопрошаетъ авторъ. Кто же говоритъ, что она незаконна. Ежели непріятель пораженъ смятеніемъ, тогда, конечно, нужно этимъ пользоваться, или, выражаясь языкомъ г. А. П., слѣдуетъ, *имѣя штыкъ въ сердце своемъ, нестись впередъ сокрушительнымъ потокомъ, чтобы, подобно лавѣ, поглотить своего противника*; но ежели непріятель смятеніемъ не пораженъ, а съ твердостью ожидаетъ нашего движенія впередъ, тогда не мѣшало бы предварительно позаняться потрясеніемъ его твердости; а это можно сдѣлать только огнемъ. По нашему мнѣнію, на «отлогомъ» скатѣ, который мы предположили, въ этомъ случаѣ могъ бы быть дѣйствительнымъ даже ружейный огонь; но такъ какъ г. А. П. ружейной подготовки атаки не признаетъ, то хотя однимъ артилерійскимъ огнемъ, но все-таки слѣдовало бы подготовить дальнѣйшую атаку. Однимъ словомъ, не только въ различныхъ примѣрахъ, но даже въ одномъ и томъ же примѣрѣ, съ измѣненіемъ какой бы то ни было черты въ обстановкѣ (напримѣръ: состояніе духа противника), неизбѣжно долженъ измѣниться и образъ дѣйствій наступающаго. Взглядъ этотъ категорически выраженъ нами въ приведенныхъ выше курсивомъ словахъ нашей статьи и даетъ полный просторъ вдохновенію и личной находчивости начальника.

Г. же А. П. нигдѣ этого не высказываетъ, а, противопоставляя свой взглядъ на дѣйствія наступающаго нашему взгляду, восклицаетъ: *«нельзя соблюденію отнѣннаго порядка и методичности подчинять всѣ прочія условія успѣха атаки»*. Такъ какъ во всей нашей статьѣ нигдѣ нѣтъ даже намекъ на подобное подчиненіе, то очевидно, что г. А. П. не признаетъ возможнымъ осуществленіе условій успѣха атаки при нашемъ взглядѣ на нее, или, другими словами, отрицаетъ нашъ взглядъ совершенно, а видитъ эти условія только въ осуществленіи своего взгляда, признавая его безусловно вѣрнымъ и примѣнимымъ во всѣхъ случаяхъ.

Предоставляемъ послѣ этого читателямъ обсудить: чьи разсужденія болѣе заражены крайнимъ методизмомъ—наши или г. А. П.?

Намъ остается поговорить еще о двухъ замѣчаніяхъ, вызванныхъ нашей статьею.

Первое изъ этихъ замѣчаній относится до огня обороняющагося. Не отрицая въ нѣкоторыхъ случаяхъ значенія огня, открываемаго съ дальнихъ дистанцій (стр. 192), мы отдали предпочтеніе ближнему огню, причемъ въ основаніе такого мнѣнія привели: 1) что рѣшающее въ бою значеніе имѣетъ только ближній огонь; 2) что дальній огонь преждевременно раскрываетъ подробности расположенія обороняющагося и наконецъ 3) самымъ вѣскимъ основаніемъ признали то, что при дальнемъ огнѣ происходитъ быстрая, непроизводительная трата патроновъ, которая въ особенности должна быть замѣтна при производствѣ стрѣльбы съ дальнихъ дистанцій въ томъ видѣ, въ какомъ многіе предлагаютъ ее производить, и въ какомъ производили ее французы и турки, т. е. въ видѣ непрерывнаго огня массъ. Въ подтвержденіе своего взгляда мы сослались на цѣлый рядъ военно-историческихъ примѣровъ, взятыхъ изъ франко-прусской и послѣдней нашей войны съ турками. Г. А. П., не разбирая нашихъ доводовъ и даже не упомянувъ вовсе о приведенныхъ нами военно-историческихъ примѣрахъ, безапелляціонно называетъ наши доводы *«крайне неубѣдительными»*, причемъ заявляетъ только, что они напоминаютъ ему тѣ возраженія, которыя дѣлались противъ введенія металлическихъ патроновъ и скорострѣльнаго оружія, ставя при этомъ рядомъ слѣдующія три выраженія, по мнѣнію его, вполне между собою сходныя: *«металлическіе патроны дорого стоятъ»*, *«механизмъ скорострѣльнаго оружія сложенъ»*, и *«произойдетъ въ бою большая трата патроновъ»*. Сходство между этими выраженіями, по нашему крайнему разумѣнію, состоитъ только въ томъ, что каждое изъ нихъ само по себѣ вполне справедливо; отно-

сительное же ихъ значеніе совершенно различно и, засимъ, болѣе ничего общаго между ними отыскать нельзя.

Металлическіе патроны, дѣйствительно, стоятъ дороже бумажныхъ; скорострѣльное оружіе, безспорно, сложнѣе нескорострѣльнаго и, начинающая стрѣльбу съ дальняго разстоянія, можно, конечно, больше истратить патроновъ, нежели въ противномъ случаѣ. Но, сколько намъ помнится, при введеніи металлическихъ патроновъ и скорострѣльнаго оружія ежели и дѣлались приведенныя выше возраженія, то имъ противопоставлялись также и другіе болѣе или менѣе сильныя доводы, и никто никогда не думалъ, чтобы нѣсколько большая стоимость металлическихъ гильзъ, или сложность механизма скорострѣльнаго оружія, могли бы сами по себѣ служить единственными препятствіями къ введенію этихъ усовершенствованій въ вооруженіе армій. Вопросъ же о снабженіи войскъ въ бою патронами и сбереженіи ихъ имѣть нѣсколько иное значеніе. Всѣ бывшія до сего времени войны указываютъ, что онъ разрѣшается далеко не такъ легко, какъ, напримѣръ, увеличеніе отпуска денегъ на металлическія гильзы, вслѣдствіе чего возможно болѣе бережливое расходованіе патроновъ въ бою оказывается вполне необходимымъ.

Примѣръ турокъ, не стѣснявшихся расходовать патроны, какъ при оборонѣ, такъ и при наступленіи, какъ справедливо замѣчаетъ г. А. П., кажется намъ неубѣдительнымъ, потому что ихъ оборонительная война была въ сущности войною позиціонною, мало подвижною, причемъ если не легко, то возможно было имѣть возлѣ каждаго солдата по сундуку съ патронами; а наступательныя ихъ дѣйствія никогда не были продолжительны, и вообще армія ихъ явилась на столько неспособною къ этимъ послѣднимъ, что даже не могла воспользоваться такими крупными неудачами нашими, какими были два первыя сраженія подъ Плевною. Ни на одномъ изъ этихъ соображеній г. А. П. не останавливается, и не обративъ вниманія на приведенные нами примѣры изъ послѣдней войны, въ которыхъ войска наши, какъ при оборонѣ (Шипки), такъ и при наступленіи (Церковна, Горній-Бугаровъ), должны были расходовать патроны крайне бережно,—онъ неожиданно заявляетъ, что не только при оборонѣ, но и въ наступательныхъ операціяхъ (во избѣжаніе зависимости отъ тыла) солдатъ нашъ въ послѣднюю кампанію имѣлъ, *обыкновенно*, при себѣ больше патроновъ, чѣмъ полагается, а именно до 115 (такъ было въ отрядѣ генераль-адъютанта Гурко). Въ будущихъ войнахъ будетъ, конечно, то же самое, желательно лишь, чтобы это было узаконено—прибавляетъ А. П. Неужели г. А. П. не видитъ, что сдѣлан-

ная имъ ссылка на отрядъ генераль-адъютанта Гурко говорить *не за него, а противъ него?* Онъ находитъ, что 115 патроновъ, это больше тѣмъ полагается. Вѣроятно г. А. П. извѣстно, что «обыкновенно» солдатъ носить на себѣ 60 патроновъ (Бердана) и кромѣ того въ полковыхъ патронныхъ ящикахъ на каждую винтовку возится по 72 патрона, итого 132 патрона, и сверхъ этого полный комплектъ патроновъ на винтовку возится въ паркахъ.

Отрядъ генераль-адъютанта Гурко, предпринимая походъ зимою черезъ Балканы, очень хорошо зналъ, что онъ долго не увидитъ не только своихъ парковъ, но даже и полковыхъ патронныхъ ящиковъ, и слѣдовательно долгое время, при неизбежныхъ и рѣшительныхъ столкновенияхъ съ противникомъ, долженъ будетъ рассчитывать только на то количество патроновъ, которое имѣется при каждомъ солдатѣ. Возможно ли было при этомъ не позаботиться объ увеличеніи, *во чтобы то ни стало*, означеннаго количества патроновъ? Много вещей, необходимыхъ солдату въ походѣ, было отброшено съ тѣмъ, чтобы взаи́мъ ихъ взять съ собою патроны, количество которыхъ и было доведено до 115; но эта цифра хотя и превышаетъ количество патроновъ, обыкновенно находящихся въ сумѣ у солдата, но менѣе того, которое находится вообще при войскахъ, т. е. какъ въ сумѣ, такъ и въ патронныхъ ящикахъ. При этомъ надо замѣтить, что въ европейской войнѣ все количество патроновъ (132), имѣющееся при войскахъ, послѣ cadaго сраженія можетъ быть пополнено вновь изъ парковъ; въ отрядѣ же генераль-адъютанта Гурко, взятые каждымъ солдатомъ 115 патроновъ нужно было приберечь не на одно сраженіе, а на цѣлый рядъ предстоявшихъ кровопролитныхъ столкновений съ противникомъ.

Возможно ли было при такихъ условіяхъ расходовать упомянутые 115 патроновъ иначе, какъ съ крайней осторожностію? Возможно ли при этомъ начинать стрѣльбу съ дальнихъ дистанцій? Извѣстно уже, какъ оба эти вопроса были разрѣшены на практикѣ нашими войсками, перешедшими Балканы: они отдали рѣшительное предпочтеніе стрѣльбѣ съ близкихъ дистанцій; могъ ли послѣ этого г. А. П. сослаться на отрядъ генераль-адъютанта Гурко въ подкрѣпленіе своего взгляда объ огнѣ съ дальнихъ дистанцій и широкой тратѣ патроновъ? Впрочемъ, можетъ быть для него важно только то, что въ данномъ случаѣ на каждомъ солдатѣ вмѣсто обыкновенныхъ 60 находилось 115 патроновъ, изъ чего можно было бы заключить, что такое же количество ихъ можетъ быть на солдатѣ и тогда, когда за войсками безпрепятственно слѣдовать будутъ и патронные ящики, и парки.

Дѣйствительно, какъ мы выше видѣли, г. А. П. пророчески замѣчаетъ, что «*въ будущихъ войнахъ будетъ, конечно, то же самое*». Можетъ быть когда нибудь это предсказаніе и сбудется, но г. А. П. опять забылъ, что, составляя «Инструкцію» для обученія войскъ во время одного лагернаго сбора, намъ нельзя было принять въ расчетъ то, что когда нибудь можетъ быть; вслѣдствіе чего, не уклоняясь отъ истины и настоящаго положенія дѣла, мы приняли, и конечно будемъ принимать, только то, что есть, такую обстановку, которая обуславливается не единичными, исключительными случаями, а дѣйствующими положеніями и узаконеніями. При существующемъ снаряженіи нашей и другихъ европейскихъ армій, выработанномъ опытомъ многихъ войнъ, солдатъ носить на себѣ не болѣе 60 патроновъ и увеличить это количество, на счетъ крайне необходимыхъ для солдата: бѣлья, сапоговъ, штановъ и т. п., какъ-то предлагаетъ г. А. П., едва ли возможно, такъ какъ возить все это въ обозѣ, справедливо называемомъ ранцемъ арміи, значить чрезмѣрно увеличить тяжесть этого ранца, который и безъ того гораздо болѣе стѣсняетъ войска, нежели ранецъ, носимый каждымъ солдатомъ.

Относительно сказаннаго нами объ отступленіи, авторъ «Нѣсколькихъ замѣтокъ» говоритъ весьма немного, тѣмъ не менѣе встрѣчаетъ такого рода недоумѣніе въ нашей статьѣ. При объясненіи отступленія, между прочимъ, сказано, что оно можетъ быть предпринято или *ранѣе* рѣшительной атаки противника, или *послѣ нея*, причемъ во второмъ случаѣ, сказали мы, отступленіе можетъ быть предпринято не иначе, какъ послѣ отбитой атаки, пользуясь временнымъ замѣшательствомъ непріятеля. Объ отступленіи же послѣ удачной атаки противника, совершаемомъ нерѣдко въ безпорядкѣ и безостановочно, до тѣхъ поръ, пока противникъ самъ прекратитъ преслѣдованіе, или же его остановить подоспѣвшая свѣжая часть, мы не считали нужнымъ упоминать, такъ какъ подобное отступленіе не поддается вообще изученію и едва ли можетъ быть регулировано какими-либо правилами. По поводу этого г. А. П. говоритъ: «Одно изъ двухъ: или обороняющійся рѣшился не доводить дѣла до конца, и тогда онъ отступить заблаговременно, или же онъ рѣшился встрѣтиться съ противникомъ грудъ съ грудью, противопоставить штыкъ штыку, и тогда онъ только насильно, послѣ схватки, можетъ быть вынужденъ отступить; но рѣшимость его можетъ увѣнчаться и успѣхомъ: атака отбита, противникъ въ разстройствѣ, надо его доконать и праздновать побѣду..... и вдругъ отступить. Зачѣмъ же?»

А вотъ зачѣмъ. Представьте себѣ, г. А. П., что вамъ ввѣренъ

арьергардъ, которому поручено задержать преслѣдующаго противника до тѣхъ поръ, пока главные силы успѣютъ отступить на извѣстную дистанцію, и вообще выдти изъ подъ ударовъ противника. Вы располагаетесь на удобной позиціи, главные силы начинаютъ движеніе, авангардъ противника напираетъ на васъ; вы его задерживаете. Наконецъ главные силы удалились на вполне безопасную для нихъ дистанцію, и вѣренному вамъ арьергарду нѣтъ болѣе цѣли удерживать непріятеля, тѣмъ болѣе, что дальнѣйшая остановка можетъ привести къ потерѣ вами всякой связи съ главными силами. Необходимо, слѣдовательно, отступать. Но въ это самое время авангардъ противника производитъ еще одну атаку и вы ее отбиваете. Что же послѣ этого вы будете дѣлать? По нашему мнѣнію, ежели вы при такихъ обстоятельствахъ не начнете тотчасъ же отступленія, а будете *«праздновать побѣду»*, то праздникъ вашъ продолжится весьма недолго, и конецъ его можетъ быть для васъ весьма печальнымъ, такъ какъ къ противнику подойдутъ его главные силы, которыя раздавятъ вашъ изолированный арьергардъ. Чтобы не ограничиваться одними умозрительными доводами, изъ любой войны можно было бы привести по цѣлому ряду военно-историческихъ примѣровъ, когда, въ силу общихъ соображеній главнокомандующаго, для одной изъ воюющихъ сторонъ отступленіе становилось до такой степени необходимымъ, что откладывать его подѣ предлогомъ празднованія побѣды надъ временно-отбитымъ противникомъ было бы крайне неблагоразумно. Не желая излишне удлинить нашу статью, мы ограничимся напоминаніемъ г. А. П. только одного изъ такихъ примѣровъ, перваго дня (14-го августа) боя подѣ Мецомъ, въ войну 1870 года.

Послѣ пораженій, испытанныхъ отдѣльными французскими корпусами подѣ Вейсенбургомъ, Шпихерномъ и Вертомъ, главная французская армія собралась подѣ Мецомъ, откуда рѣшено было продолжать отступленіе къ Шалону, на присоединеніе къ собиравшимся тамъ подкрѣпленіямъ. Большая часть французской арміи уже перешла на лѣвый берегъ Мозеля; но прусскій генераль, находившійся въ авангардѣ со своей бригадой, замѣтивъ отступленіе противника, смѣло атаковалъ войска, оставшіяся еще на правомъ берегу подѣ стѣнами крѣпости. Генераль Базенъ, прельстившись возможностью отпраздновать весьма вѣроятную побѣду надѣ слабымъ прусскимъ авангардомъ, не только не продолжалъ отступленія, но даже перелезъ обратно на правый берегъ отступившіе уже корпуса и вступилъ въ совершенно безцѣльный бой съ подошедшей между тѣмъ постепенно 1-й германской арміей.

Результатомъ этого дѣйствія, какъ извѣстно, было полное окруженіе французской арміи подъ Мецомъ, а впослѣдствіи и плѣнь ея.

Думаемъ, что одинъ этотъ примѣръ достаточно убѣдителенъ въ данномъ случаѣ. Думаемъ также, что для сущности занимающаго насъ дѣла намъ нужны не картинныя, высокопарныя и трескучія выраженія, не идеальныя рѣшенія, обставленныя оговорками и сожалѣніями о невозможности ихъ исполнить, а такія указанія и разъясненія, которыя опирались бы на дѣйствительный боевой опытъ и на живые поучительныя примѣры военной исторіи, т. е. на такіе доводы, которые безповоротно доказывали бы полезность или непригодность предложенныхъ нашею «Инструкціею» правилъ и положеній.

Въ такомъ великой важности вопросѣ, какъ возможно удобнѣйшій способъ наступленія или обороны, мало однихъ бездоказательныхъ разсужденій и предположеній, какъ бы картинно ихъ ни высказывали; мало однихъ, не всегда подходящихъ къ дѣлу, сравненій, — нужны, однимъ словомъ, не красивыя слова, а то дѣло, тѣ убѣдительныя доказательства, которыя одни въ состояніи разъяснить поставленный вопросъ, рѣшеніе котораго тѣмъ серьезнѣе должно быть, чѣмъ серьезнѣе могутъ быть послѣдствія отъ поспѣшныхъ выводовъ или личныхъ мнѣній, являющихся результатомъ увлеченія какимъ либо однимъ фактомъ.

Правы ли мы, говоря такъ и постоянно проводя такой взглядъ; или правъ г. А. П. — просимъ рѣшить читателей.

П. Б.